

Михаил ГЛУЗСКИЙ:

Вряд ли я всерьез задумывался о доступности или замкнутости популярного киноактера, и первый же звонок домой после короткого представления; слышу знакомый голос, немного уставший, немного обеспокоенный (оказалось, что тяжело болен сын), согласно встретиться, приглашение приехать домой. Недалеко от станции метро «Аэропорт» дверь в квартире на улице Черняховского открывает сам Михаил Андреевич, любезно приглашает войти, предлагает чай, спрашивает о Душанбе, о знакомых и конечно, о Давлате Худоназарове, которого он знает давно. С этой темы и начался разговор, и, прежде всего, потому, что мир кинематографистов довольно откровенно и искренне интересуется судьбой своего председателя. Хотя у Михаила Андреевича Глузского отношения с Таджиккистаном более деловые — второй год во Всесоюзном институте кинематографии он ведет мастерскую — группу студентов из нашей республики.

— Михаил Андреевич, мне довелось увидеть Вас «живьем» в Душанбе два года назад, когда Вы приехали набрать группу.

— Вообще, я приезжал в Душанбе несколько раз — на озвучивание фильмов, на декады, которые были тогда модными. И с Давлатом Худоназаровым я познакомился на последней декаде РСФСР несколько лет назад. Познакомились и вместе были всегда, ездили вместе. И вдвойне приятно, что наше тогда мимолетное соприкосновение оставило след на все наши последующие встречи. Отношения наши — удивительно ровные, несмотря на то, что Давлат стал продвигаться по общественной лестнице вверх и стал членом Верховного Совета СССР, был избран председателем Союза кинематографистов. Это одно из важных человеческих качеств — ровность в отношениях со всеми, вне зависимости от того, поднимается ли человек вверх. Это одна сторона — личная, другая — его отношение к созданию таджикского курса во ВГИКе. Конечно, это не первый курс, уже были выпускники, а я впервые вошел во ВГИК для создания своей мастерской, в становлении которой помогли и Давлат Худоназаров, и Валерий Ахадов, и Юнус Юсупов, они проявили большую инициативу для того, чтобы курс вновь появился. Так сложились обстоятельства, что в этой мастерской произошли изменения: кто-то из мастеров ушел, кто-то изменился, и тогда возникла моя кандидатура. Естественно, что мне пришлось приехать в Душанбе и заняться набором группы. Я честно должен сказать, что сейчас не могу говорить о каких-то достоинствах того или иного студента. Я и в профессии своей не сторонник того, чтобы говорить о несовершенном, строить «воздушные замки». Пока идет работа, очень трудная, и в первую очередь потому, что молодые люди, пришедшие в нашу группу, не обладают, к сожалению, важным качеством актерской профессии — трудолюбием, чувством ответственности, чувством желания предложить что-то свое, чувством инициативы. Так что основная наша задача на протяжении двух лет, успешно она проводилась или не очень, наделить молодых людей на то, что в жизни их ожидают только трудности, непредсказуемость и непредполагаемость. Потому, что надо быть во всеоружии профессиональных знаний, я имею в виду и актерское мастерство, и речь (о ней особо скажу), и пение, и ритм, и акробатика, и, конечно, интеллект.

— На первых порах нам приходилось нацеливать студентов на то, что труд — основа основ. Можно быть даровитым, перспективным, но если уповать только на то, что отпущено тебе Богом, родителями, то будет ступор. Кстати, ни о ком из моих студентов я пока не могу сказать: этот вот будет, этот покажет, будет ли вторая Мордюкова или второй Крамаров. Пока я не имею на это права. Вначале мы сняли их на видеопленку, они читали, затем, через некоторое время, они еще раз читали, и тоже записали. Движение есть, меняется облик людей, меняется представление, но очень-очень медленно.

— Скажите, Михаил Андреевич, Вам не жалко своих студентов? Кинематограф переживает коммерциализацию, и мне кажется, что Вашему поколению было легче.

— Было не менее трудно, а, может, и более, потому что снималось меньшее количество картин, и отбор актеров был строгий и суровый. Сейчас, так же, как и режиссура, а режиссеры пробиваются повсюду как грибы, возникают актерские имена, но так же быстро и исчезают. В чем-то схожесть есть. Но при всех обстоятельствах молодых людей ждут двойные трудности, и чем больше запас знаний и представления о работе, своего умения, тем больше перспективы на то, что будешь двигаться вперед. А не рассчитывать на педагогическую, обобщающую режиссуру, на как синонимичный объект: ты мне нужен был со своими глазами, волосами, улыбкой, а теперь иди, меня ты больше не интересуешь. Но еще раз с сожалением повторю, что зачастую затраченная энергия педагогов на конкретном занятии, для того, чтобы вдохновить, нацелить молодых людей, не всегда оправдывается. Может, среда такая и время. Может, «жареный петух не клюнул», как говорится. Жить можно, проживаем, думаем они, родители приходят, с голоду не погибнем, вагоны разгружать не надо. Вроде все одеты, все современны. Я был страшно удивлен тем, когда они появились в самом начале, особенно девушки — в таджикском... Сейчас все растерялось, они такие же, как все — в «бананах», в куртках, некий стереотип.

— Но все-таки группа национальная и останется ею?

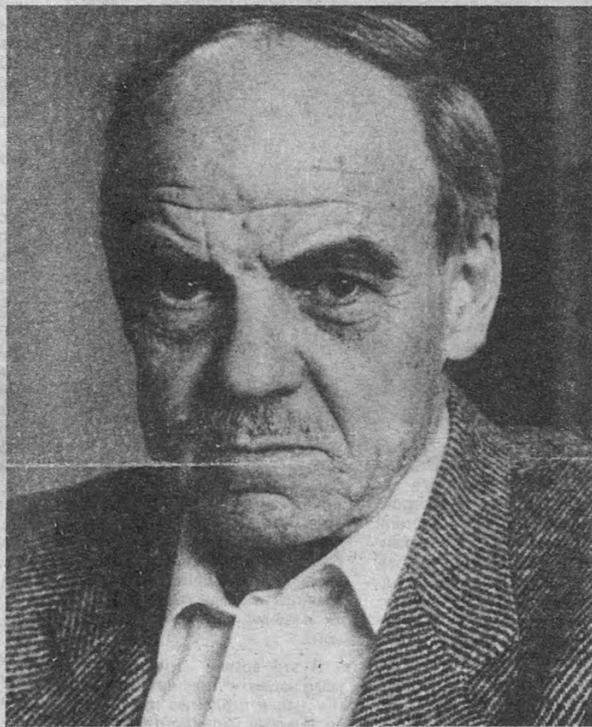
— Мы очень на это надеемся. А теперь я перехожу к самому главному: все-таки национальное — это природное воспитание, отношение ко всем обстоятельствам жизни, в почтении к старшим, к патриархальности, я бы сказал. В какой-то степени это присутствует, они отличаются от других студентов, по крайней мере, в отношении к нам, педагогам. ВГИК же вообще — это «широкое поле», по которому идут курящие,

О СЕБЕ,

пьющие кофе на подоконниках, никого не видящие молодые люди, не здоровающиеся, и меня в этом отношении институт не радует.

— Не любите «богему»?

— Я бы назвал это не «богемой», а «вокзалом», «проезжким двором». Правда, в отношении своих ребят этого сказать не могу. Да и есть тут главная причина — они таджики. Из пятнадцати че-

ловек, лишь трое — девочка, наполовину русская, наполовину таджика, есть русский парень Андриуша Шворник, есть парень-узбек, с такой заманчивой, невероятной внешностью, просто действительно красивый молодой человек. Кстати, эта его красота и довлеет в какой-то степени над ним в процессе учебы, мы стараемся очистить его от некоего «нарциссизма». Но вот еще одна проблема — где они будут работать в Душанбе? А для этого они должны блестяще владеть таджикским языком. И ведь это самое неприятное, речь-то идет не о русскоязычном населении, а о таджиках, которые плохо знают свой язык, не владеют им по-настоящему, в высоком смысле. Бытовым они, может быть, и владеют, могут там поговорить о том, о сем, а когда разговор идет о литературе, то, боюсь, они начнут «хромать». Ибо для русского кинематографа внешность кого-нибудь из них и подойдет, а национальной речи у них нет. Поэтому у нас во ВГИКе есть даже педагог, который занимается с ними, простите, таджикским языком.

— Это так необходимо для учебного процесса?

— Конечно. В этом году, например, мы работаем над великим Шекспиром, в группе есть свои Гамлеты, Отелло, Джульетта, Ричард. Часть отрывков мы делаем на рус-

ском языке, часть — на таджикском. Для меня основой нашего труда являются Мысль и Слово: Мысль, желание нести интеллектуальное

но выясняется, что у многих есть родственные связи, кто-то занимает какое-то положение. Когда я приехал в Душанбе, мне говорят: вот вам контингент, я удивился, почему так мало? Отвечают, мол, объявляли по телевидению, но видно плохо объявляли. Было это, было. А вы говорите — культура.

— А кто виноват в подборе «контингента»?

— В то время было задержано и Госкино, и Министерство культуры. Обещали они, кстати, и большую помощь. Скажем, про-

О КИНО,

О ПОЛИТИКЕ

можно увидеть актеров, рассуждающих по телевизору о путце, о демократии, о Ельцине. Вас же среди них что-то не видно.

— В какой-то степени я оказался выступающим по радио «Белого дома» 20 августа, был там. Но вот недавно в передаче «Поле чудес» актерам задавали вопросы, помните? Никулин ответил, что он единственный, кто не был тогда у «Белого дома»... Я чествовал перед собой, в то время я занял свою позицию.

— Я спрашиваю не о чести или бесчестии, я хочу узнать: не довлеет ли над Вами старье роли?

— Нет. Во-первых, начнем с того, что я никогда не играл политических деятелей. Я однажды получил маленькую, но очень выразительную роль секретаря обкома в картине «Обратная связь» у Трегубовича и Гельмана. Я сыграл человека, получившего «втык» в ЦК и приехав-

шего домой раздавать «втыки» своим подчиненным, как принято в нашей системе. Ермаш, председатель Госкино СССР, посмотрел и сказал, что Глузского надо заменить? Кем? Для Е. Матвеева эта роль была мала, для А. Вельяминова не подходил, тот, ответил, что итрейбрехерством не занимается, и сыграл И. Владимиров. Вот и все. И вообще, довлеет ли прошлое? Я благодарю Бога и семью, и к профессии отношусь только как к работе, за ней дальше я — человек, таковой, какой я есть, и горжусь тем, что меня сравнивают с моими героями, отмечая мой характер и индивидуальность. Хотя, вся наша жизнь — игра.

— Напоминает начало нашего разговора, например, непонятно определение соперников Давлата Худоназарова, когда его называют «киноинником».

— Да оно ни на толкуну не подходит к Давлату. Он не «киноинник». В первую очередь он совестливый человек, честный человек. Я не забуду выборы председателя республиканского Союза кинематографистов, как выступали претенденты, которые вели себя так: «надо — выберите», «не надо — не выберите». А Давлат взял на себя непосильную ношу, он человек, который не карьеру решил делать, а человека, у которого за плечами Верховный Совет, и он хотел соединить и сплотить кинематографистов. Вот ради этого он и взялся за этот пост. Я участвовал тогда программно человека, добровольно взвалившего на себя груз ответственности. Я не хочу называть фамилии других претендентов, но в данном случае Давлат стал достойным руководителем. Я видел его во время пучка, когда он пытался дозвониться до Лукьянова, говорил с Губенко, другими, для того, чтобы как-то передать наш голос о сопротивлении. Я видел человека, три дня не выходявшего из кабинета, чтобы поднять все силы, помочь Ельцину. В Давлате я ценю и хорошего человека, и борца. Невероятно скромный, невероятно застенчивый, но — боец. И я хотел бы пожелать ему успеха.

— Мне не простили бы ч-

татели, Михаил Андреевич, если бы я не задал Вам несколько вопросов, профессиональных. Вот, например, для меня любимым комедийным актером был и остается Луи де Фюнес, тот комиссар Жюф, непутевый жандарм, замороженный... Но мне кажется, что очень мало людей знают о том, что в советских кинотеатрах Луи де Фюнес разговаривал Вашим голосом.

— Да нет, надо сказать, что не моим одним. Покойный Кеннингсон хорошо озвучивал де Фюнеса? Ну, мне довелось три или... не помню, в общем несколько картин дублировать. Это был, конечно, адов труд, ведь Луи де Фюнес говорил как скорострельный пулемет, но, тем не менее, это была работа в радость.

— А действительно, когда я смотрел дублированные Ваши фильмы с Луи де Фюнесом, то удивлялся тому, как Вы, в общем-то спокойный человек, могли переговаривать его?

— Не такой уж я спокойный, я разный, бывает — и возбудимый. Но, во всяком случае, любое озвучивание — радость, а последняя — «Амадеус» Миклоша Формана. Я читал за всех актеров, не играл, только намекал своим пересказом о том, как говорят актеры. А когда приходилось озвучивать де Фюнеса, то это еще и школа, это интерес к актеру и еще — ответственность за сохранение, ни в коем случае не улучшение, а сохранение того, что он делал. Не дублировать, а воспроизводить.

— Эта работа напоминает литературный перевод?

— Я не занимался литературным переводом. Наверное, скорее — да. Хотя, можно отговорить и уйти, но в нашей профессии — «отговорить» — не терпимо, и это пылают внушить студентам.

— Хорошо, а с самим Луи де Фюнесом Вы встречались?

— Был такой случай. Встречался, действительно. Но я встречался со многими известными людьми — Сталиным, Ворошиловым, Микояном. А встречался как — проходил мимо, видел. Так вот, был я в туристической поездке в США и Мексике, а когда летели обратно, то получилось — через Брюссель. И могло же такому случиться, что там на съемках находился Луи де Фюнес. Мы жили в одной гостинице, и я там его видел.

— А он знал, что Вы его дублируете?

— Не дай Бог, даже в мыслях не было такого, чтобы подойти, попросить перводчика, и сказать, что, знаете, я вас озвучиваю. Есть профессиональная этика: если к тебе обращаются, то дружелюбно, а говорить, что вот, я делаю то-то, нет, никогда не любил. Да, меня знают, меня узнают, но ведь можно

Сознаю, что взялся я писать и расспрашивать человека из той сферы, в которой я мало сведущ. Сыграло здесь скорее желание увидеть, спросить (а может, поспрашивать, ведь два часа — не разговор) актера, любимого многими, к ним отношу и себя. Да, конечно, видел много фильмов с участием Михаила Андреевича Глузского, но когда нашел книжку В. Деммина о нем, то и узнал-то впервые, что роль у М. Глузского более 130, не считая театральных. И вообще, у нас, у зрителей, образ актера по большей части размыт тем ореолом, который называют слабой. И слава Богу, что есть у таких актеров, как М. Глузский, жизнь вне экрана, настоящие человеческая, когда он не прочь переспросить о том, что не знает, или просто полюбопытствовать. Правда, лет ему уже немало — за 70, а это возраст почтительный, не только в почтении к летам человека, но и в почтении человека к собеседнику, намного моложе по годам. Впрочем, зрителями мы были, зрителями мы и останемся. Хотя зритель зритель — разный. Поэтому, видимо, истые актеры и сводят свою работу к педагогической сфере, воспитательно. В любом случае, кроме благодарности Михаилу Андреевичу сказать больше не могу. Спасибо.

— Мне не простили бы ч-

превратиться и в «актеришку»: во-о-он, идет и дурак, и шут, и еще кто-то там. Нет, профессия — есть профессия.

— Тогда задаю профессиональный вопрос: над чем Вы сейчас работаете и что увидят зрители?

— Насчет того, что увидят, страшно говорить. Они не увидят, потому что люди смотрят тот поток продукции купленной за границы, выбивающей деньги и не ставящей никаких — ни культурных, ни гуманистических, ни просветительских задач. Идет поток американских картин не лучшего сорта, а лучшие не покупают. Вся надежда на телевидение. У меня сейчас готовы две картины. Премьера первой была в Доме кино второго ноября — «Льва Кулиджанова «Умирать не страшно». Эта картина не похожа на то, что сейчас снимается. Она, может, старомодная в какой-то степени. Она сделана в духе размышлений, длительного раздумья, но картина — о семье, о людях, об отношениях друг к другу, про трагедии интеллигентной семьи в 30-е годы. Хороший состав актеров — Ольга Кабо, Людмила Чурсина, Сергей Тараторкин, Сергей Никоненко, Юрий Беляев. Очень хорошая рабочая команда. Получилась картина, за которую мне не стыдно. Вторая — «Пока гром не грянет» — картина на сельскохозяйственную тему, о комбайнере, который является депутатом и с трибуны Верховного Совета режет правду-матку, а наряду с этим гробит свою профессию, свое крестьянство. Я же играю его антипода — человека, приехавшего в деревню восстанавливать дом, когда-то раскулаченных родителей. Есть, конечно, и «семечки», к сожалению, но в целом — работаю.

— Михаил Андреевич, наша газета называется «Согласие». А что для Вас это слово, это понятие — «согласие»?

— Согласно для меня — это терпимость, это умение слышать, размышлять, ответить по поводу. Да, терпимость, но не соглашательство, а желание выкинуть. Мы сейчас живем в такое время, когда не слышим друг друга, хотим сказать только то, что из нас прет, перебивая друг друга, как на сессиях Верховного Совета. Я хотел бы, чтобы была снята картина о том, как депутаты слушают, а точнее не слушают своих коллег. Мог бы получить прекрасный документальный фильм. Вот выходит женщина, говорит о бедственном положении детей, а зал в это время спит. И опять же, чем начали, тем и закончим. — Давлат Худоназаров не из таких. Я никогда не видел его праздного болтающимся, всегда он сосредоточен. Если бы я жил в Таджикистане, то голосовал только за Давлата.

— Москва — Душанбе.

Олег ПАНФИЛОВ.